

УДК 81. 811.512

ЖЕЛАТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ В ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПАМЯТНИКАХ XIV в.

Г.Ф. Сунгатова

Аннотация

Статья посвящена исследованию форм желательного наклонения в тюркских языках по материалам литературных произведений XIV в. «Хосров и Ширин» Кутба, «Му-хаббат-намэ» Хорезми, «Нахдж ал-Фарадис» М. Булгари, «Джумджума султан» Х. Кятиба, «Гулистан бит-тюрки» С. Сарай. Раскрываются проблемы этимологии форм 1-го лица единственного и множественного числа опатива, исследуется их варьирование в различных литературных памятниках XIV в.

Ключевые слова: желательное наклонение, тюркские языки, этимология, опатив.

Предпосылка теоретического изучения любой категории – конкретное изучение её частных проявлений. В этом смысле исследование форм желательности в тюркоязычных литературных памятниках XIV в. может представлять интерес и послужить доказательством тех или иных теоретических положений. Наша задача состоит в том, чтобы, опираясь на материалы и проведенные исследования, рассмотреть место желательного наклонения, определить формы, использованные в литературных памятниках XIV в. для выражения желательности.

Категория наклонения выражает отношение действия к действительности, устанавливаемое говорящим. В современном татарском языкознании выделяют пять наклонений: повелительное, изъявительное, желательное, условное и сослагательное [1, с. 90]. Общие сведения о формах желательного наклонения представлены в трудах Н.А. Баскакова, А.Н. Кононова, Н.К. Дмитриева, А.М. Щербака, Э.Н. Наджиба, Д.Г. Тумашевой.

Тюркологическая наука располагает обширной литературой по данной теме, в том числе специальными исследованиями, однако некоторые ее аспекты остаются нераскрытыми. Наше исследование показало, что среди тюркологов существуют различные точки зрения по поводу наличия в тюркских языках желательного наклонения.

Так, автор грамматики башкирского языка Н.К. Дмитриев доказывает наличие желательного наклонения: «Это такая глагольная категория, которая сопровождает передачу факта всякого рода субъективной окраской: прежде всего – желание, затем – сожаление, сомнение, раскаяние. От собственно повелительного наклонения эта форма отличается известной долей субъективизма: говорящий не только приказывает, но и обещает свое участие» [2, с. 122].

А.Н. Кононов придерживается такого же мнения: «1-е лицо единственное и множественное число, часто включаемое в систему повелительного наклонения, но не имеющее ни формального, ни смыслового сходства с формами повелительного наклонения, в соответствии со своим значением рассматривается в системе желательного наклонения» [3, с. 272].

А.М. Щербак называет его «предлагательно-желательным наклонением» [4, с. 145]. И Н.А. Баскаков считает желательное наклонение самостоятельной категорией: «Форму 1-го лица единственного числа повелительное наклонение не имеет. Для 1-го лица множественного числа условно принята форма желательного наклонения, эта форма по своему содержанию передает не столько приказание, сколько призыв к действию, в котором будет участвовать и сам говорящий» [5, с. 245]. Э.Н. Наджип доказывает, что в настоящее время повелительное наклонение считается относящимся ко 2-му и 3-му лицу, а желательное – к 1-му лицу, однако он полагает, что целесообразно объединить их в одно повелительно-желательное наклонение [6, с. 92].

В татарском языкознании желательное наклонение впервые выделяется в грамматике И.И. Хальфина. Он назвал его «соизволяющим»: «Соизволяющее, которое показывает согласие с другим лицом, например, *язаим, яздыраим*» [7, с. 40]. А в грамматиках А. Троянского, К. Насыйри, Г. Ибрагимова желательное входит в состав повелительного наклонения [8, с. 16; 9, б. 46; 10, б. 15]. Л. Залый также рассматривает желательное наклонение в составе повелительного [11, б. 41].

Лишь в 1964 году Д.Г. Тумашева [12, б. 54] окончательно выделяет в татарском языке желательное наклонение: «1-е лицо желательного наклонения объединяют иногда в одну парадигму спряжения с повелительным наклонением, имеющим форму 2-го и 3-го лица. Однако они имеют разные основы: форму на *-уј, -i* – желательное наклонение и нулевую форму – повелительное наклонение. В основных значениях эти наклонения также отличаются друг от друга, хотя контекстуально их значения могут совпадать. Поскольку желание чаще всего исходит от говорящего, то именно оно, 1-е лицо, сохранилось от желательного наклонения. Исторически основа наклонения имела полную парадигму спряжения» [1, с. 113]. Мы опираемся на традиционные взгляды Д.Г. Тумашевой и выделяем в татарском языке желательное наклонение.

В языке письменных памятников золотоордынского периода «Хосров и Ширин» Кутба (1342), «Мухаббат-намэ» Хорезми (1353), «Джумджума султан» Х. Кятиба (1369), «Нахдж ал-Фарадис» М. Булгари (1357–1358), «Гулистан бит-тюрки» С. Сарай (1391) глаголов в желательном наклонении довольно много и формы его выражения разнообразны. В текстах оптатив представлен аффиксами 1-го лица единственного числа: *-ajyn/-äjjin, -ajym/-äjim, -γaj, -γajyn, -γajim, -γat, -aj, -i, -ajyn*.

В тюркологии имеются различные точки зрения относительно происхождения аффиксов желательного наклонения. Так, А.М. Щербак прототипом формы на *-ajyn/-äjjin* считает осложненное модальным оттенком субстантивно-адъективное имя действия на *-a* [4, с. 147]. При этом в азербайджанском, гагаузском, турецком языках форма на *-a* выступает только в значении желательного наклонения.

По мнению Н.А. Баскакова, наиболее полный формант 1-го лица единственного числа – аффикс *-γaj-тун*, который в процессе фонетического развития дал различные варианты. Обобщая свое исследование, ученый приходит к выводу, что аффикс *-γaj-тун* является общим для всех тюркских языков, фонетическое развитие *-γaj* отмечается в степени I редукции исчезновением начального *γ*, а в последующей – конечного *j*, редукция *-тун* характеризуется стиранием или *-m*, или *-n* [5, с. 147].

Ш. Шукуров считает, что источником формирования форм желательного наклонения 1-го лица единственного числа в тюркских языках послужила форма на *-γα*, которая первоначально формировалась как причастие настоящего-будущего времени [14, с. 25]. Таким образом, на основе формы на *-γα* типа *alya-män* сначала образуются две формы: *alyam* и *alya-j-män*. На основе же формы типа *alya-j-män* развивались формы *alyaj-ym* и *alyaj-yn* [14, с. 25].

В дальнейшем развитие форм 1-го лица единственного числа желательного наклонения продолжалось на основе форм типа *alyaj-ym*, *alyaj-yn*, *alyam* по трем направлениям: в одних тюркских языках на основе формы типа *alyaj-ym*, в других – на основе формы типа *alyaj-yn*, развитие формы типа *alyam* продолжалось в отдельных тюркских языках, в частности в огузских.

При переходе формы *alya-män* в *alyam*, формы *alya-j-män* в *alyaj-ym* и *alyaj-yn* изменение происходит в показателе лица (*alya-män* > *alyaj-ym*). При дальнейшем развитии форм *alyaj-ym*, *alyaj-yn*, *alyam* формальному изменению подвергаются форманты *-γα* и *-γaj*: при основах с исходным гласным согласный *γ* исчезает, а в интервокальной позиции переходит в *j* [15, с. 25].

В исследованных нами литературных памятниках золотоордынского периода для 1-го лица единственного числа желательного наклонения наиболее частотными являются формы *-ajyn/-äjin*, *-ajym/-äjim*, основная семантика которых – самопобуждение к действию. Они встречаются во всех исследованных нами текстах: *küçüm jetmişä män häm mädex ajajum* «спою-ка я похвалу изо всех сил» (ХШ, 7r°–21); *munuñ şuqranäsi qurban bolajun* «хочу быть жертвой для этого» (МН, 41); *ber qunaq ewgä kältüräjin* «приглашу-ка гостя домой» (НФ, 41); *tuñlayul sän kördükim şarx idäjim* «послушай-ка, хочу рассказать тебе увиденное» (Дж, 46); *bu doyanu moña uqur baqajum, tereleme dib* «почитаю-ка я эту молитву, может выздоровеет» (Гб, 143).

В памятниках этого периода для выражения желательности часто используется форма на *-γaj*. В тюркских языках эта форма употребляется в различных значениях, поэтому в тюркологической литературе нет единого мнения о том, к какой грамматической категории она относится. Форма на *-γaj* отмечена у М. Кашгари и Ибн-Муханны. Она широко представлена и в литературных памятниках XI – XII вв. «Кутадгу билиг», «Хибат ал-хакаик», а также в древнеуйгурских текстах [14, с. 150].

В зависимости от контекста форма на *-γaj* в исследованных нами памятниках употребляется в различных значениях:

а) для выражения будущего времени: *häbär qulyajmän* «я дам весточку» (ХШ, 30–2); *қаған үлсәм sina kadrim bilürgäj* «когда я умру, ты оценишь меня» (МН, 281); *män bu taşny jalıyz kitärgäjmän* «я сам уберу этот камень» (НФ, 134); *qulyajmän* «я совершу» (Дж, 61a–21); *таң атқай* «взойдет заря» (Гб, 149);

б) для выражения желания, пожелания. В одних случаях передается желание, исполнение которого направлено в пользу самого говорящего: *täkj täyalä mine zaiγ' qylmaγaj* «пусть Всевышний меня не покинет» (НФ, 54), *bardim andin suγra xamatγa män / kim aγiγsizlyqdin özimni joγajmän* «после этого я пошел в баню, хотел помыть свое грязное тело» (Дж, 47); в других случаях формой на *-γaj* выражается желание, исполнение которого направлено в пользу других лиц: *kitabät bašladym äñžamä jetkäj / Muhabbät-namä Misr vä Şamä jetkäj* «я начал книгу и хочу закончить её, пусть дойдет Мухаббат-намэ до Сирии и Египта» (МН, 15).

В поэзии при образовании 1-го и 2-го лица обоих чисел в форманте *-γaj* часто опускается конечный [j], и он употребляется в виде *-γa*, *-qa*. Такая же картина наблюдается и в поэме «Хосров и Ширин» Кутба: *visal tabγam tejü ändişä qylmuş* «как бы нам встретиться, подумал я» (XIII, 52г–10).

Кроме названных выше аффиксов в памятниках с желательной семантикой sporadически выступают формы на *-γajyn/-gäjin*, *-γajim/-gäjim*: *meni qoj öz işimgä juylayajyn* «оставь меня, пролью я слезы за свои поступки» (XIII, 57г°–10); *burun älcyssa bäk mädxin ajajyn / oş andin soγra namä bašlayajyn* «сперва я прославлю бека, и после этого я начну письма» (МН, 68); *qoγanny män oquγajym* «прочту-ка я Коран» (Гб, 137v–4).

В произведениях «Нахдж ал-Фарадис» М. Булгари и «Джумджума султан» Х. Кятиба эти формы нам не встречались. Лишь в единичном случае в «Джумджума султан» для выражения желания используется аффикс *-i*: *tuγla imdi xälim ajtim siña* «послушай-ка, хочу рассказать тебе то, что со мной случилось» [15, с. 76].

В литературных памятниках XIV в. 1-е лицо множественного числа желательного наклонения с семантикой призыва говорящего к совместному действию выражено формами *-alyη*, *-alym*, *-aly*, *-γalyη*, *-alyq*. Например: *kel imdi bir keçä hoş olturalayη / oj aγlyq mäžlisin bu tün qulalayη* «иди сюда, посмотрим в эту ночь в свое удовольствие, проведем пир на всю ночь бодрствуя» (XIII, 28г°–15); *izalym ilçi kiltürsünlär* «пошлем, пусть направляют послов» (XIII, 29v°–20); *suraxi tolsa qor aγsyn açalayη / bügün mäjxanädä jarmaq saçalayη* «наполнив бокалы, раскроем еще кувшины, и рассыплем деньги в питейном доме» (МН, 267); *biz ul taγamny qylyn kältüräliη* «давайте мы приготовим то угощение» (НФ, 25–5); *ni jatyrşän, jatasy jir dägil, tor, kitälim* «почему ты лежишь, здесь нельзя лежать, вставай, уедем-ка»; (Гб, 192); *aşjigälim* «поедим» (XIII, 29v); *xatunlaryuγuzny undagäliη* «давайте, уговорим ваших жен» (НФ, 88–3).

Относительно происхождения и развития форм 1-го лица множественного числа желательного наклонения высказаны разные точки зрения мнения. Например, Н.А. Баскаков аффиксы *-ajyη* и *-aly*, образующие в современном каракалпакском языке 1-го лица множественного числа формы желательного наклонения возводит к аффиксу *-ajlyq*, который он считает сложным, состоящим из показателей наклонения *-aj* (> *-γaj*) и множественного числа *-lyη* [16, с. 69].

Э.В. Севортян считает возможным расчленить аффикс *-ajlym* на *-(j)aly+m*, где *-m*, по мнению автора, выступает в качестве показателя 1-го лица множественности, и приходит к выводу, что обычное значение единичности в аффиксе 1-го лица *-m* исторически было не единственным, что наряду с ним существо-

вало и значение множественности. Элемент *-(j)aly* Э.В. Севортыян связывает с аффиксом *-yaly*, встречающимся в орхоно-енисейских памятниках [17, с. 19].

Относительно происхождения и состава аффиксов 1-го лица множественного числа желательного наклонения мнение В. Котвича сводится в основном к следующему: эти аффиксы сначала расчлняются на две части (*-a+lym*, *-a+lyŋ*), первая из которых, то есть формант *-a*, является показателем наклонения, вторая, то есть *-lym*, *-lyŋ*, – показателем множественности, собирательности [18, с. 260].

Таким же образом расчлняет аффиксы и А.Н. Кононов. Однако относительно происхождения формантов этих аффиксов он высказывает иную точку зрения: формант *-a* он возводит к аффиксу *-yaj*, формант *-m* в составе аффикса *-alym* выводит из 1-го лица единственного числа личного местоимения (*-m > bän ~ män*), формант *-ŋ* в составе аффиксов *-alyŋ* и *-aŋ* – из формы 1-го лица множественного числа личного местоимения, формант *-ŋ* в составе аффикса *-alyŋ* он рассматривает как фонетический вариант аффикса 2-го лица множественного числа [3, с. 11].

В исследованных нами памятниках среди форм 1-го лица множественного числа высокочастотными являются аффиксы *-alyŋ*, *-alyt*.

Ф.Ш. Нуриева, исследовавшая «Нахдж ал-Фарадис» М. Булгари, отмечает, что в этом произведении всего один раз встречается форма *-alyq*, которая в предложении употребляется параллельно с аффиксом *-alyŋ*: *biz taqy žimlä jaranlarqa iylam qylalyq... bir qata xamla qylyp hälaq qylalyŋ* «сподвижникам сделаем еще одно объявление, что мы сразимся с ними еще, и давайте их всех перебьем» [19, с. 124].

Итак, мы рассмотрели формы желательного наклонения, использованные в литературных памятниках XIV в. В языке произведений золотоордынского периода формы желательного наклонения представляют собой пеструю картину. По мнению Ф.Ш. Нуриевой [19, с. 339], это свидетельствует о том, что данное наклонение в языке памятников изучаемого нами периода находилось в процессе становления, при этом учитывались формы разных диалектов и разных ареалов.

Как показали результаты исследования, формы желательного наклонения 1-го лица отличаются от форм того же наклонения в современном татарском литературном языке, где желательное наклонение имеет основу на *-yĵ*, *-i*, которая произошла от формы на *-yaj*. Из архаичных форм в двух случаях употребляется аффикс *-yaj*, и только в отрицательном аспекте (для выражения предостережения, боязни какого-либо действия, желания его несовершения, безразличия к совершению действия).

Исследование форм желательного наклонения в литературных памятниках золотоордынского периода показало, что произведения этого времени насыщены архаичными для современного татарского языка элементами. Эти формы являлись нормой для большинства письменных памятников Средневековья и продолжают существовать в живом разговорном языке татарского народа.

Summary

G.F. Sungatova. Wishing Mood in 14th-century Turkish Literary Works.

This article views the forms of wishing mood on the material of 14th-century literary works, such as “Hosrov i Shirin” by Qutb, “Mukhabbat-name” by Khoresmy, “Nahdge al-Faradis” by M. Bulgary, “Jumjuma sultan” by H. Kyatib, “Gulistan bit-turky” by S. Sarai. The problems of wishing mood application in Turkish languages are also studied in this article. The problems of optative 1st person singular and plural etymological forms, their usage and variety in different 14th-century literary works are studied.

Key words: wishing mood, Turkish languages, etymology, optative.

Источники

- Гб – A Fourteenth century turkic translaitjn of Sa'dis Culistan (Sayfi Sarayis Culistan bit-turki). – Budapest, 1969. – 450 p.
- Дж – *Исламова А.И.* Исследование языка тюрко-татарского памятника 14 века «Дастана Джумджума Султан» Х. Кятиба: Дис. ... канд филол. наук. – Казань, 1998. – С. 39–62.
- МН – *Хорезми.* Мухаббат-намэ / Издание текста, транскрипция, перевод и исследование Э.Н. Наджиба. – М.: Изд-во вост. лит., 1961. – 223 с.
- НФ – *Echmann J.* Nehcü'l -Feradis. I, Tipki Basim. – Ankara, 1956. – 444 S.
- XIII – *Zajaczkowski A.* Najstarsza wersja turecka Husräv u Širin Qutba: cz. 1–3. – Warszawa, 1958. – Czesc 1: Tekst. – 304 S.; Warszawa, 1958. – Czesc 2: Faksimile. – 238 S.; Warszawa, 1961. – Czesc 3: Slownik. – 207 S.

Литература

1. *Тумашева Д.Г.* Татарский глагол (Опыт функционально-семантического исследования грамматических категорий). – Казань: Казан. гос. ун-т, 1986. – 181 с.
2. *Дмитриев Н.К.* Грамматика башкирского языка. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1948. – 607 с.
3. *Кононов А.Н.* Показатели собирательности-множественности в тюркских языках. – Л.: Наука, 1969. – 290 с.
4. *Щербак А.М.* Грамматический очерк языка тюркских текстов X – XIII вв. из Восточного Туркестана. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – 204 с.
5. *Баскаков Н.А.* Каракалпакский язык. Фонетика и морфология. – М., 1952. – 450 с.
6. *Наджип Э.Н.* Исследование по истории тюркских языков XI – XIV вв. – М: Наука, 1989. – 291 с.
7. *Хальфин И.И.* Азбука и грамматика татарского языка с правилами арабского чтения, преподаваемые в Казанской гимназии. – Казань: Тип. Казан. ун-та, 1809. – 106 с.
8. *Троянский А.* Краткая татарская грамматика священника А. Троянского. – Казань: Тип. Коковиной, 1860. – 234 с.
9. *Насыри К.Г.* Эңмүзәж. – Казань, 1975. – 215 б.
10. *Ибрагимов Г.Г.* Татар сарыфы. – 3 басма. – Казань: Лито-тип. И.Н. Харитонова, 1915. – 64 б.
11. *Жәләй Л.* Татар теленең тарихи морфологиясе. Очерклар. – Казан: Фикер, 2000. – 288 б.
12. *Тумашева Д.Г.* Хәзерге татар әдәби теле морфологиясе. – Казан: КДУ нәшр., 1964. – 299 б.

13. *Гарипова Г.Ф.* Морфологические особенности Кутба «Хосров и Ширин» (XIV в.): Дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 2003. – 244 с.
14. *Шукуров Ш.* Наклонение и времена глагола в письменных памятниках узбекского языка в сравнительном освещении: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Ташкент, 1974. – 89 с.
15. *Исламова Ф.* Исследование языка тюрко-татарского памятника 14 века «Дастана Джумджума Султан» Х. Кятиба: Дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 1998. – 223 с.
16. *Баскаков Н.А.* Происхождение форм повелительно-желательного наклонения в тюркских языках // *Вопр. языкознания.* – 1975. – № 1. – С. 99–105.
17. *Севортян Э.В.* Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. – М.: Наука, 1956. – 206 с.
18. *Котвич В.* Исследование по алтайским языкам. – М.: Наука, 1962. – 300 с.
19. *Нуриева Ф.Ш.* «Нахдж ал-Фарadis» Махмуда ал-Булгари. – Казань: Фэн, 1999. – 190 с.
20. *Нуриева Ф.Ш.* Исторические и лингвистические условия формирования тюрко-татарского литературного языка золотоордынского периода. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004. – 376 с.

Поступила в редакцию
23.04.08

Сунгатова Гульгена Фирдинатовна – аспирант кафедры истории татарского языка и общего языкознания Казанского государственного университета.